

Фомин А.П.

**Диалектика ценностей и истины
в цивилизационном проектировании**

Ценности – «Термин, широко используемый в философской и социологической литературе для указания на человеческое, социальное и культурное **значение** определенных явлений действительности». [Философский энциклопедический словарь, 1984, с.765]. «Иметь значение» - это значит «быть знаком» чего-то. Из этого номинального определения следует, что **ЦЕННЫМИ ЧЕЛОВЕК СЧИТАЕТ ТОЛЬКО ТЕ ЯВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, КОТОРЫЕ ДЛЯ НЕГО ЧТО-ТО ЗНАЧАТ. И наоборот, ЯВЛЕНИЯ, НИЧЕГО НЕ ЗНАЧАЩИЕ, НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЫМИ.**

Это номинальное определение далее разворачивается в реальное через выделение ценностей предметных и субъектных.

К **предметным** относят: 1) все многообразие материальных предметов природы и культуры, 2) весь комплекс общественных отношений, 3) явления природы, включенные в сферу культуры. Предметные ценности названы в аксиологии благами.

Субъектные же ценности – это наше отношение в форме оценки по шкале «хорошо-плохо» предметных ценностей, то есть благ, на основе определенных критериев и процедур и сами эти критерии и процедуры. Предметные ценности (блага) ценностно не нагружены, безразличны и бессмысленны и вовсе не являются ценностями сами по себе. Они имеют смысл только как знаки, «читаемые» человеком. Их смысл и аксиологическая нагруженность – в отношении к ним человека. Термин «субъектные ценности» отражает, таким образом, процессуальность и привязанность предметных ценностей (благ) к действительному, то есть действующему человеку.

В чем, собственно, видится проблема ценностей? Почему она столь дискуссионна? Из определения субъектных ценностей видно, что проблема – в **критериях и процедурах оценивания.** В самом деле, если для меня ценностью, то есть «хорошим», «желательным» является, например, воспитанность (как общественное отношение), то все дело сводится, во-первых, к моему определению понятия воспитанности, а во-вторых, к методам фиксации воспитанности как явления. Не трудно заметить, что и определение и фиксация явления оказываются связаны с процессом познания, знанием и имеют прямое отношение к **ИСТИНЕ.** В самом деле, как я могу оценить предмет, отношение или явление, не обладая **знанием, что он есть такое по своей сути, то есть, не обладая понятием?** Утверждать вслед за М.М. Жванецким, что «Кислое молоко – это уже НЕ молоко» можно только **зная,** что такое молоко. Поэтому часто вместе с понятием «ценности» употребляется определение «истинные», «фундаментальные» или, наоборот, «ложные», «фальшивые» ценности. Очевидно, что мы не будем считать ценностью то, что мы считаем злом, заблуждением или явной ложью и, напротив, готовы

доказывать всеми средствами истинность наших собственных ценностей и ложность ценностей наших оппонентов. Более того, ценность – это то, за что борются, что отстаивают, что защищают, за что отдают жизнь, что возможно, только если иметь убеждение в том, что они истинны. И если лишение благ не делает жизнь человека бессмысленной, то лишение ценностей как раз обесмысливает жизнь человека. Широко известно, что в состоянии социальной аномии резко возрастает количество самоубийств (как в России в 90-е годы, в тот время, как во время блокады Ленинграда их было ничтожно мало). БЛАГА – ПОТРЕБЛЯЮТ. ЦЕННОСТИ – ОТСТАИВАЮТ, ЗА НИХ – БОРЮТСЯ.

Диалектику истины и ценностей современный философ и логик А.А.Ивин развивает в следующем суждении: *«Ценность как отношение соответствия объекта представлению о нем является противоположностью истины как отношения соответствия представления объекту»* [Ивин. <http://enc-dic.com/philosophy/Cennost-2621/>]. Если наше представление не соответствует своему объекту, должно быть изменено наше представление, которое в этом случае не является истинным. Если же объект не соответствует нашему представлению о нем, изменению подлежит объект. Или, другими словами: *«Если идея соответствует своему объекту, то истинной считается обычно идея; если же объект соответствует идее, хорошим считается сам объект»*.

Ивин дальше делает верное методологическое замечание: *«Вопрос о соотношении истины и ценности является одним из аспектов более общей проблемы взаимосвязи созерцания и действия, теории и практики»*. Истинностное отношение – это теоретическое отношение, сфера духа, познания. Ценностное отношение – это практическое отношение, сфера социальной практики. Мы здесь не говорим о диалектике абсолютной и относительной истины, поскольку эти азы диалектики все знают.

В современной философии выделяют три формы освоения мира человеком: практическое, духовное и духовно-практическое или аксиологическое. К практической форме относят материальную, социальную и политическую практику. К духовной – сферу познания, научную деятельность. К духовно-практической – аксиологическую деятельность, к которой относят нравственную, религиозную и художественную деятельность.

В европейской философии отношение истины и ценностей менялось. Раннее Средневековье не думало об истине, подчинив человека ценностям, растворило истину в ценностях, конкретно – в религиозных ценностях, то есть – религиозной вере в трансцендентного бога. С Фомы Аквинского начинается движение к истине, к объективной реальности, к природе через допущение принципа двойственности истины: истины веры и истины разума, который не противоречит вере, а дополняет и укрепляет ее. Схоластика выполняла роль доказательства истинности христианских ценностей. На этом принципе дополнительности веры и разума была выстроена официальная доктрина католической церкви – томизм и неотомизм, блестяще логически обоснованный Тейяром де Шарденом в его книге «Феномен человека». Вторым треком этого движения общественного европейского религиозного сознания от ценностей к

истине стал протестантизм, не только не отрицавший истину разума, но и прямо обязывающий изучать природу и человека с помощью разума.

Эпоха Просвещения резко сменила приоритеты. Абсолютизация принципа разума и фетишизация научной истины привели к отрицанию и девальвации ценностей. Такая операция была совершенно в духе механистического, физикалистского, естественнонаучного и не диалектического сознания эпохи.

Отношение истины и ценностей было вновь перевернуто И. Кантом. В «Критике практического разума» (1788) он вообще отказывает истине в праве на существование, объявляя мир «вещью-в-себе», а наши представления о мире всего лишь конструкциями разума, построенными на априорных врожденных принципах. А вместе с тем объявляет одним из таких априорных врожденных принципов христианское евангельское нравственное правило, которое у него получает название «категорического императива»: «Поступай с другими так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства». Кант, таким образом, просто перекрасил религиозные ценности в светский колер, сделав моральное сознание и нравственные ценности врожденными человеку.

Такой разрыв между истиной и ценностями к концу XIX века в западноевропейской философии оформился в виде дихотомии истинностного и ценностного подходов к действительности. С одной стороны О. Конт, родоначальник позитивизма, в своей работе «Курс позитивной философии» объявляет науку единственно правильной формой освоения мира и изгоняет ценности как ложное, не научное сознание. С другой – европейские иррационалисты В. Дильтей в герменевтике, А. Бергсон в «философии жизни», но, главное, Ф. Ницше заявляют, что бога нет, бог умер; творцом же не только истории и культуры, но и самой реальности оказывался сам человек, вернее, его высшая ипостась – сверхчеловек, существо обладающее властью над миром. Просто потому, что он создает свои собственные ценности и накидывает на бессмысленный, лишенный истинности мир собственную сетку категорий и смыслов.

Равновесие между истиной и ценностью навремя было достигнуто в диалектическом материализме как философии марксизма. Это было сделано благодаря, во-первых, тому, что диалектический материализм был продолжением европейской школы философского рационализма, ее детищем. А во-вторых, изначально включал в себя методологическую проблематику. Методологические дискуссии 20-х годов в советской России просто удивляют своей глубиной и содержательностью. Рациональное доказательство истинности идеологических ценностей коммунизма было уравновешено практическим осуществлением советского проекта. В России советский проект по оценке многих исследователей [Кара-Мурза С.Г., 2010; Панарин А.С.,] стал просто другим изданием русской идеи, продолжением православного панславизма (Данилевский Н.Я.), продолжив на других основаниях Российский цивилизационный проект.

В 60-е, а затем и 70-е годы отмечены острым интересом к этическим исследованиям, так в 1960 году при Институте философии Академии Наук был

создан сектор этики. Зачинателями дискуссии по этой проблематике были такие философы, как О.Г. Дробницкий, В.И. Толстых, А.А. Гусейнов, В. М. Межуев и др. Глубокие методологические разработки Э.В. Ильенкова, Г.П. Щедровицкого, А.А. Зиновьева и др., оказались, однако, не востребованы официальной пропагандой. Диалектика, к сожалению, оказалась выхолощенной, марксизм догматизирован. И совершенно понятно, почему мы проиграли информационную войну: мы отказались от работы по рациональному доказательству истинности наших ценностей, а иррациональное вдалбливание противоречило самой доктрине марксизма.

А что же Европа в XX веке? С одной стороны, европейский неопозитивизм и сциентизм, продолжая линию Конта, выводит из поля исследования ценности, сосредоточив свое внимание на логическом анализе научных понятий и на самой реальности. Мир ценностей в европейской философии, таким образом, оказался вообще вне связи с истиной. Запад, уверовав после развала СССР и победы в холодной войне в собственную непогрешимость и силу, отказался от тяжелой идеологической работы по рациональному доказательству истинности своих ценностей. Политический проект постмодерна оформил это в виде парадигмы постмодернизма и тем самым легитимировал принцип ценностного плюрализма, нравственной индифферентности и морального релятивизма. Европа оказалась идеологически обезоруженной, отступила от своей культурной матрицы, сдала без боя европейские ценности, спрятавшись от решения современных вызовов за толерантность, мультикультурализм, плюрализм. Это пренебрежение истинностным подходом к действительности привело к тому, что ценностная ниша моментально была заполнена, с одной стороны, откровенно дегенеративными ценностями, а с другой стороны, ценностями более пассионарного ислама прежде всего в его радикальных формах, а теперь уже и нацизма, прививка против которого у Европы, как оказалось, уже не действует. Христианство же в обеих своих европейских формах (католичество и протестантизм) свою пассионарность утеряло, поскольку уверовало в свою истинность, опираясь только на силу промышленного прогресса и не думая о об аксиологических, то есть духовных аргументах. Христианская аксиология была сильна в этике протестантизма, который стал идеологией индустриального общества капиталистического образца. Но в обществе потребления, созданном в 60-е годы, эта этика была выхолощена, а капитализм перестал быть базой прогресса. Сегодня Запад пожинает плоды такого пренебрежения диалектикой истины и ценностей в виде социального гендера и однополых браков, а США решает вопрос, брать ли в армию транссексуалов.

С другой стороны, иррационалистическая духовная традиция нашла свое продолжение в политической программе, построенной на ценностях и полном отказе от истины. Эта программа была осуществлена в третьем Рейхе, идеологи которого совершенно рационально и бездоказательно вытаскивали, как фокусник из шляпы такие ценности, как «истинный ариец», «исключительность немецкой нации», «фюрер», «немецкий дух» и другие. Иногда, впрочем, создавались целые научные направления, занимавшиеся подтасовкой фактов и

«доказательством» «истинности» этих ценностей. Но чаще всего эти ценности вдалбливались на бессознательном уровне пропагандой.

Как вы могли заметить, мы перешли от теоретической части доклада к практической. Дело в том, что сегодняшняя социальная реальность приобрела качественно иные характеристики, которые канализируют теоретические рассуждения о диалектике истины и ценностей в плоскость очень практическую - политическую. Если раньше реальными субъектами аксиологического освоения мира человеком были отдельные личности, социальные группы или государства, то сегодня реальными субъектами духовно-практического, ценностного (аксиологического) освоения мира становятся целые цивилизации, созревшие до состояния субъектности.

В силу этого в эпоху глобализации, обостряющей цивилизационные противоречия, речь должна идти о смещении духовно-практического, то есть аксиологического, ценностного аспекта в сферу политики. Сегодняшняя политика становится не выражением экономики, а формой духовно-практического освоения мира; это – форма борьбы за ценности, борьбы за утверждение ценностей. И субъектами этой духовно-практической, аксиологической формы освоения человеком мира становятся народы, культуры, цивилизации.

Успешной цивилизацией в будущем будет не та, которая навязет всем остальным свои ценности, не задумываясь об их истинности. И не та, которая будет мечтательно утопать в истине и «правде», не думая о борьбе за ценности. А та, которая продемонстрирует равновесие обоих этих процессов освоения мира – духовного (познавательного) и духовно-практического (аксиологического). Только их диалектическое взаимодействие может стать методологической базой для проекта будущего.

Но тогда мы легко ответим на вопрос: где та база консолидации глобального общества, которая предотвратит столкновение цивилизаций, за которым ведь стоит столкновение ценностей? Такой базой консолидации может быть только наука [Иванов, Лезгина, 2006]. Мы можем говорить о региональной (китайской, индийской, славянской и др.) религии. И в этом смысле религия в XXI веке больше разъединяет человечество. Но невозможно говорить о специфически русской или французской, или английской науке. Наука – это то, что сближает в XXI веке. Но это еще и тот самый недостающий компонент в диалектике истины и ценностей.

Значит ли это, что речь идет о новом издании воинствующего атеизма? Конечно, нет. Воинствующий атеизм всегда был и остается стратегией определенного этапа революции, это – логика самой революции, ее страсть, ее одурманивающий, но неизбежный инстинкт. Мы же сегодня констатируем, что религиозное сознание не чуждо истине, а в отдельные периоды исторического развития наиболее адекватно отражало проблематику истины. Вспомним Сергия Радонежского в православии, нацеленность на научное познание в протестантизме, неотомизм и концепцию человека Тейяра де Шардена, культурно-историческую роль конфуцианства в успехе сегодняшнего Китая, исламскую нравственную критику общества потребления США. Но все это –

тактические успехи религии как всеобщей системы ценностей. Сегодня ситуация в мире изменилась. В глобальном мире сегодня нет возможностей каждой цивилизации отстаивать свои религиозные ценности силой, поскольку это грозит войной цивилизаций. Экуменическое же движение остается филантропией. Но главное – в другом. Религиозное сознание обращается к ценностям прошлого. Сегодня же в противостоянии цивилизаций речь идет о перспективном проекте будущего. И будущее это – за той цивилизацией, которая найдет диалектическое равновесие между истиной и ценностями, то есть будет активна в продвижении своих цивилизационных ценностей, не забывая при этом о рациональном доказательстве их истинности.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов В.Г., Лезгина М.Л. Горизонты науки XXI века. Этюды философии науки. М.: ACADEMIA, АПК и ППРО. 2006.

Ивин А.А. Ценности // Философский словарь. <http://enc-dic.com/philosophy/Cennost-2621/>

Кара-Мурза С. Россия под ударом. М.: Яуза-пресс. 2010. -384с.
Философский энциклопедический словарь. Москва. 1984.

Опубликовано: Социум. Сознание. Язык. Выпуск четвертый.
СПб.:ЛЕМА,2015 -143с. С.93-98